

Belle Lettres

Наблюдатель Франческа Рис

Франческа Рис
Наблюдатель

«Альпина Диджитал»

2021

УДК 82-31
ББК 84(4/8)

Рис Ф.

Наблюдатель / Ф. Рис — «Альпина Диджитал», 2021

ISBN 978-5-96-149237-8

«Писатель ищет помощника» – такое объявление видит в газете Лия, молодая англичанка, сбежавшая в Париж от серых лондонских будней. Знаменитый писатель Майкл Янг поручает ей расшифровку своих дневников и приглашает провести лето на юге Франции вместе с его семьей. На морском побережье Лия со всей страстью молодости отдается веселью, новым знакомствам и наслаждается полной свободой. Но чем глубже Лия погружается в воспоминания бурной юности Янга, прошедшей в Сохо 1960-х годов, тем сильнее размываются для нее грани прошлого и настоящего, правды и обмана. Но одна мысль не дает Лии покоя: почему Майкл Янг поручил работу именно ей? В новом провокационном романе Франческа Рис исследует мужской и женский взгляды на природу желаний и амбиций и то, как далеко люди готовы зайти ради них.

УДК 82-31
ББК 84(4/8)

ISBN 978-5-96-149237-8

© Рис Ф., 2021
© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Часть первая	9
1	9
2	19
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Франческа Рис Наблюдатель

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или Facebook, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.

Переводчик *Анна Мальшиева*

Редактор *Галина Рагузина*

Главный редактор *Яна Грецова*

Заместитель главного редактора *Дарья Петушкова*

Руководитель проекта *Анна Деркач*

Арт-директор *Юрий Буга*

Дизайнер *Денис Изотов*

Корректоры *Мария Прянишникова-Перепелюк, Елена Аксёнова*

Верстка *Кирилл Свищёв*

Фото на обложке *Getty images*

Разработка дизайн-системы и стандартов стиля *Design Workout*[®]

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2021 Francesca Reece

This edition is published by arrangement with Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

FRANCESCA REECE

Voyeur

Belles.

TINDER
PRESS

Франческа Рис Наблюдатель

Роман

Перевод с английского

BELLES LETTRES

Москва, 2024

Можно сказать все то же самое проще: мужчины действуют, а женщины выглядят. Мужчины смотрят на женщин. Женщины смотрят на то, как на них смотрят. Это в большинстве случаев определяет не только отношение мужчин к женщинам, но также и отношение женщин к самим себе. Наблюдатель внутри женщины – мужчина, а наблюдаемый – женщина. Таким образом, она превращает себя в объект, в объект видения – в зрелище.

ДЖОН БЁРДЖЕР. Искусство видеть

Все мои портреты, написанные Пикассо, лживы. Это всё портреты Пикассо. Среди них нет ни одного портрета Доры Маар.
ДОРА МААР

Да, порой жизнь монотонна и банальна, как сейчас, когда я пишу эти строки, стараясь найти бреши во времени, чтоб сбежать через них.
ПАТРИК МОДИАНО. Ночная трава

Моей матери и Джесс

Часть первая Париж

С горечью осознала она, что в свои двадцать с небольшим так и не сумела наладить размеренную жизнь.
МЮРИЭЛЬ РАКЕЙСЕР. Дикая берег

1 Лия

Мое знакомство с Майклом Янгом началось с заметки в FUSAC (эту ежемесячную газету с объявлениями знает – и презирает – едва ли не все англоязычное сообщество Парижа). Ее синий, патерналистски-самодовольный заголовок – символ безработицы, отсутствия крыши над головой, невезения и общей неустроенности. Бесконечная вереница крохотных квартирков, которые вам никогда не удастся снять, да три бессменные вакансии, так и сяк тасуемые верстальщиком: няня со знанием английского языка, официантка в кафе-ресторан и вездесущий «администратор, готовый стать частью веселой и безбашенной команды австралийского бара!». Стоило услышать «FUSAC» – как в голове тут же возникал образ настороженного домовладельца-экспата, готового немного сбросить цену, если вы увлекаетесь нетрадиционной медициной. Или младшего сына техасского бизнесмена, патлатого завсегдатая богемных тусовок, который приехал в Европу с мечтой о собственном журнале для поклонников творчества Джона Кассаветиса и теперь отчаянно ищет авторов (бесплатного) контента. Эта газетенка была динозавром доцифровой эпохи, из тех, на ком и выросла вся эта гиг-экономика.

Тогда же примерно у меня вошло в привычку подолгу бесцельно бродить по городу. Как на автопилоте, вновь и вновь возвращалась я в одни и те же места – туда, где уже бывала прежде, когда не чувствовала себя столь бесконечно бесполезной. Места эти созвездием рассыпались по Парижу, как пронзающие слои времени якоря, которыми я цеплялась за многочисленные вехи своей памяти. Они служили мне свидетельством того, что время – это не какое-то там линейно-кинетическое чудовище, в неудержимой гонке проносящееся мимо меня. После окончания университета прошло уже три года, и я металась из стороны в сторону, не зная, куда прибиться. Казалось, предел возможностей давно достигнут – словно моя многообещающая юность обернулась каким-то недоразумением, не более чем поводом для ложных надежд, ведь протекала-то она в провинции (а я, при всем отвращении к самой себе, была не лишена снобизма).

По понедельникам я выходила из дому в то самое время, когда все нормальные люди отправлялись на работу. Вместе мы спускались в лифте с последнего этажа. Как правило, это были мужчины в строгих костюмах и кашне, при дорогих портфелях, почти поголовно привлекательные – но неизменно подавленные и с мешками под глазами. Из динамиков доносились фрагменты произведений для струнного квартета (одни и те же три фрагмента по кругу, которые даже спустя годы то и дело всплывали у меня в голове, и я могла целый день мычать их себе под нос, не понимая, откуда они там взялись). Мы приветствовали друг друга кивком или полуулыбкой, а иногда я даже предпринимала вялую попытку завязать беседу («*Fait froid aujourd'hui*»¹ или «*J'ai toujours cet air dans ma tête!*»²), гадая про себя, что обо мне думает

¹ «Сегодня холодно» (фр.).

² «Эта мелодия никак не выходит из головы!» (фр.)

незнакомец. Может, решил, что я еще студентка, и его охватила тоска по беззаботной юности? А может, просто недоумевает, как эта жалкая особа оказалась в их респектабельном доме? Выходя из подъезда, мы коротко обменивались пожеланиями хорошего дня и немедленно удалялись каждый по своим делам, будто бы намеренно игнорируя один другого.

Улицы были переполнены такими же нормальными людьми. Я быстро проходила мимо них, словно у меня тоже был плотный график и внятный пункт назначения, преодолевала спуск и подъем к станции Аббес, шагала по улице Мучеников, потом поворачивала восточнее, к 10-му округу, без всякого плана и замысла, повинувшись одному лишь неясному инстинкту двигаться вперед и вперед, к некоему началу координат – Сене, магнитом тянувшей меня к себе. В то утро я словно сомнамбула миновала мост Искусств и оказалась в Сен-Жермен-де-Пре. На бульваре ощутила уже знакомый укол ностальгии, который и был конечной целью моих прогулок. Здесь, напротив бытылочно-зеленого навеса Les Deux Magots, в пестрой толпе туристов, я вновь могла притвориться студенткой. Свободную от какой-либо ответственности, меня влекло вдоль улицы Сен-Пер, к кафе, где молодые люди в синих рубашках и красных брючках, обладатели роскошных кудрей и безупречных скул, вели беседы о Европейском союзе и стажировках в Нью-Йорке. Там я пристраивалась где-нибудь в сторонке, ссутулившись и поглубже засунув руки в карманы, – точно незваная гостя на чужой вечеринке.

В то хмурое утро все вокруг будто подернулось серой дымкой – и берега Сены, и величественное здание Института политических исследований, рассекающее улицу пополам. Единственным цветным пятном в помещении, не считая потускневшей неоновой полосы вдоль стен, была та самая казенная синева заголовка FUSAC, в сложенной у входа стопке газет. Взяв одну из них и усевшись в углу, я раскрыла ее на первой странице – *Annonces d'emplois*³. Снова тягучая жвачка одних и тех же слов – «няня», «деловой английский», «администратор в хостел»... Но вдруг в глаза мне бросилось нечто необычное. В самом центре страницы заглавными, словно эсэмэска от бабушки, буквами значилось: «ПИСАТЕЛЮ ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

– *Mademoiselle!*

– *Je prends un p'tit café, s'il vous plaît*⁴, – машинально пробормотала я.

**«ПИСАТЕЛЬ ИЩЕТ ПОМОЩНИКА ДЛЯ РАБОТЫ С АРХИВОМ
И ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ НОВОГО РОМАНА.**

*Просьба не беспокоить, если вы носите имя героя шекспировской пьесы
или персонажа греческой мифологии.*

ПАРИЖ И ЮГ. ЧАСТИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ. МАЙКЛ. 01-14-24-60-86».

Я перечитала объявление раза четыре, пытаюсь справиться с волнением и отыскать хоть одну причину не звонить по указанному номеру. Что значит «Юг»? И вообще, когда вышел этот номер? Наверняка кто-то уже ухватился за такую возможность. Затем, как это обычно бывает, из текста на меня хлынули «добрые знамения»: 24 – мое счастливое число; в 86-м пожелались мои родители; Майклом звали стоматолога, который когда-то ставил мне брекеты, – и с тех пор с зубами у меня полный порядок; да и вообще имя хорошее – даже на бумаге выглядит презентабельно. С другой стороны, зачем бы человеку с таким именем искать ассистента через газету для неудачников? Я робко, старательно обвела объявление в кружок (с наслаждением подумав: «Совсем как в старом фильме!») – и быстро сунула газету в сумку, чтобы отсутствие более решительных действий с моей стороны не так мозолило глаза.

³ Объявления о работе (фр.).

⁴ Чашечку кофе, пожалуйста (фр.).

* * *

– Дорогуша, понимаешь, я же такой уникальный! – заявил Ромен, и я кивнула в знак совершенно искреннего согласия. – Я такой открытый. Прямо как новая страница в блокноте – только и жду, чтобы мир набросал на ней свои идеи, чтобы я мог довести их до совершенства.

Он поиграл серебряной цепочкой на шее, отправил в рот ложку ярко-розовых гранатовых зернышек и с нажимом спросил:

– Понимаешь?

– Естественно, – живо отозвалась я (даже не догадываясь, о чем речь). Ромен поджал губы и положил свою холеную руку мне на колено. Под футболкой с глубоким V-образным вырезом напряглись мускулы.

– Вот почему ты для меня – *идеальная* учительница английского.

Я искоса глянула на упражнения, с таким трудом составленные накануне вечером, – и ощутила укол совести от того, как медленно продвигался под моим руководством процесс освоения им языка. Вот и теперь за целых два часа он выдавил из себя по-английски лишь одну фразу – «Ариана Гранде сексуально танцует» да пару популярных словечек вроде *le marketing* и *un selfie*.

Ромен служил мне одним из трех источников заработка, не дававших пойти ко дну в тот странный период неопределенности. С этим известным в узких кругах гуру фитнеса я познакомилась, стоя как-то в пять утра в очереди в гардероб. Зрачки его красивых скучающих глаз были расширены до такой степени, что походили на два огромных черных озера.

– *T'as un accent*⁵, – проговорил он, хватая меня за руки и растягивая губы в счастливой улыбке. Я – в таком же эйфорическом состоянии – просияла в ответ. До чего же *добры* люди и *чудесна* музыка и как *восхитительны на ощупь* его кожаные штаны!

– *Anglaise*⁶, – выдохнула я, подергивая плечами в такт с пульсацией музыки и зажмурившись от восторга.

– *Mais c'est trop bien!*⁷ – он вновь схватил меня за руки. – Я как раз ищу учителя по английскому! – он помолчал и пожевал губами. – Чувствую, мы с тобой родственные души.

В тот момент я чувствовала родственную душу в каждом из присутствовавших в зале, словно нас связывала незримая нить чистой энергии.

Тут он сунул мне в руку телефон – и светящиеся кнопки запрыгали и закружились у меня перед глазами. С третьей попытки мне кое-как удалось вбить свой номер – и этот момент стал для меня судьбоносным.

Встречи наши были хаотичными. Он то уговаривал меня на четырехчасовое занятие в Starbucks у станции Сен-Поль, то пропадал на несколько недель, а потом вдруг опять возникал из ниоткуда, забрасывая бесконечными сообщениями (иногда в три часа ночи) и настойчиво требуя, чтобы мы *непрерывно* повидались, потому что ему *непрерывно* нужно бегло заговорить по-английски, ведь от этого зависит вся его карьера. Чаще всего наши «уроки» кончались тем, что я переводила его переписку в Grindr, просматривала видеозаписи его тренировок в YouTube или выслушивала его бессвязные псевдодуховные излияния (одно из них вот-вот должно было начаться).

Помимо Ромена была еще подработка в модной кофейне и группа девчонок лет двенадцати, у которых я вела курс «Английский по песням» (и благодаря которым досконально изучила творчество Джастина Бибера). Не то чтобы я была несчастна – отнюдь; вот только с каж-

⁵ У тебя акцент (*фр.*).

⁶ Английский (*фр.*).

⁷ Да это же замечательно! (*фр.*)

дым днем все отчетливее ощущала груз времени. Мне казалось, что его остается все меньше, а сама я все сильнее отстаю от некоего графика.

Неудовлетворенность и беспокойство, судя по всему, вообще свойственны миллениалам. Большинство моих университетских друзей остались в Лондоне и уверенно взбирались по карьерной лестнице. Условно их можно было разделить на две группы: те, кого на время нескончаемых бесплатных стажировок содержали родители – и кто теперь нашел пресловутую «работу мечты»; и другие – кто постепенно растворился в Сити и чья жизнь все меньше и меньше походила на мою (вечеринки по пятницам в Сохо и Шордиче, безупречная одежда из COS и энергичная речь, пересыпанная аббревиатурами). Но даже самые завидные вакансии не вызывали у меня никаких эмоций – все эти разговоры о «кликбейте» и «установлении контактов с креативщиками». Хотя подозреваю, что равнодушие это граничило с некоторой завистью.

Я вернулась в Париж, где училась на третьем курсе, мотивируя это тем, что жилье там стоит дешевле, а работать придется меньше, чем в Лондоне, и у меня появится больше времени на «поиски себя» (или той области, к которой я проявлю хоть какую-то склонность). Но чем дальше, тем сильнее мне начинало казаться, что природа не одарила меня амбициями, и я почти смирилась с мыслью, что во мне нет ничего особенного.

Тогда я много думала о том, что мне следовало иначе распорядиться временем учебы в университете. Оглядываясь назад, я понимала, что первые два года пролетели в какой-то сладостной дымке. Я приехала из Камбрии, из крошечной деревеньки – грустного спутника медленно умиравшего городка (тут и там – скелеты опустевших магазинчиков и автобусных остановок с выгоревшим на солнце, давно не действующим расписанием). Когда я в последний раз звонила маме, она рассказала, что там убрали даже банкомат.

Вряд ли такое происхождение могли счесть «гламурным» ребята из Оксфорда, Бристоля, Уимблдона или даже Новой Англии, умеющие поддержать беседу о русской классике, кимчи, законодательных нововведениях или сравнительных характеристиках авиакомпаний, выполняющих длительные перелеты. Родители у них работали на ВВС или в неправительственных организациях, тогда как моя мама была учительницей начальных классов, а папа – трелевщиком (высококвалифицированным работником, чья профессия с каждым днем теряла актуальность). «Дровосек» – придумала я чуть более романтичный и куда более понятный «перевод» для своих новых друзей. До сих пор помню, какую гордость испытывала в первые дни, рассказывая об этом однокурсникам, чьи родители занимались чем-то совершенно мне непонятным. Один юноша – сын социалистов из Далича – едва не выпрыгнул из своих роскошных шаровар, узнав, чем зарабатывает на хлеб мой отец. «Дровосек? – присвистнул он. – Ничего себе, вот это я понимаю, настоящая работа – возврат к истокам!»

Подростком я была чрезвычайно деятельной и амбициозной, но теперь даже те творческие увлечения, что служили мне утешением в затворнической юности (музыку и изящную словесность я считала фундаментом становления своей личности), подверглись сомнению и переоценке. На смену им пришли одержимость дневником, куда я записывала все на свете, и запойное чтение в попытке угнаться за друзьями. К тому времени я еще не до конца оправилась от удара, нанесенного парнем, с которым я лишилась девственности (владевшим тремя языками и окончившим международную школу): мою тщательно подобранную фильмотеку он назвал «банальной»!

Потерять девственность для меня было все равно что сбросить старую кожу, заменив ее смирительной рубашкой. Само мое тело пугало меня – и лобковые волосы, и непривлекательные половые губы, но гораздо сильнее было отчаянное желание произвести впечатление на мальчиков, которые (как мне казалось) делали мне великую честь, согласившись переспать со мной. Мне так хотелось выглядеть в их глазах сексуально раскрепощенной и многоопытной, что в конечном счете все мои стремления свелись к единственной цели: сделать так, чтобы *ему*

(«он» в данном случае собирательный образ целой вереницы невероятно самоуверенных парней из среднего класса в мешковатых джемперах) было хорошо. Я воспринимала это как часть самообразования и, наверное, в каком-то смысле достигла поставленной задачи. Пожалуй, за эти два года меня всего лишь раз посетила мысль, что секс с партнером может произвести тот же эффект, которого я могла достичь самостоятельно. Однако осознание это имело привкус нечистоплотности и вины, поскольку пришлось ко мне на скрипучем старом диване, с бывшим парнем подруги, в его сырой полуподвальной комнатенке на Чатсворт-роуд. Когда наутро он провожал меня до метро, от стыда за содеянное у меня подкашивались ноги. Больше всего хотелось вернуться домой и помыться.

В Париже все изменилось. Сбросив ярмо пусть и завуалированной, но оттого не менее коварной классовой системы (которую до поступления в университет я считала давно изжившей себя), я вновь обрела чувство собственного достоинства. В глазах парижан я была девушкой из Лондона, а не из никому не известного захолустья. Париж, поначалу представлявшийся музеем под открытым небом, пришелся мне на удивление впору: так же, как и я, он изо всех сил сопротивлялся новым веяниям, цепляясь за прошлое. Я могла позволить себе не работать – благодаря полученной по программе Erasmus стипендии не пришлось устраиваться какой-нибудь официанткой – и писать исключительно в свое удовольствие.

В Париже я сделала свое главное (и, надо сказать, вполне предсказуемое) открытие: секс. Секс во Франции – особенно когда дни становились длиннее – был повсюду. Казалось, вся жизнь просачивалась через фильтр секса. Я узнала, что там считается абсолютно нормальным раздеть кого-то глазами прямо в метро или услышать от продавца в *papeterie*⁸: «Какой нынче прекрасный весенний день – совсем как вы!» Французы были откровенны и при этом совершенно невозмутимы. Именно тогда я наконец поняла, что являюсь объектом сексуального влечения, решив использовать это как свое оружие.

* * *

Пришла весна. Все уже высыпали на террасы, но еще кутались в пальто и гротескные шарфы. Над каналом пышно цвела глициния. Эмма затянулась сигаретой, которую мы раскурили на двоих.

– Так ты позвонишь? – спросила она.

Эмма была одной из моих более успешных подруг – если не самой успешной, поскольку даже полноценная взрослая жизнь (с кошкой и постоянным парнем) не помешала ей остаться нормальным человеком. Работала она на онлайн-платформе, посвященной искусству, и лишь каким-то чудом умудрялась не спровоцировать меня на убийство своими призывами «полюбоваться рассветом с крыши дворца эпохи Возрождения во время венецианской биеннале второго по значимости художника Пакистана». Пожалуй, она была самой стильной из всех, кого я знала, – невзирая даже на тот факт, что все ее тряпки выглядели так, будто их украли у восьмидесятилетнего затворника. По правую руку от меня сидел Алекс – он работал в магазине одежды, устроиться в который, не имея по всем правилам оформленного и раскрученного профиля в соцсетях, не стоило и мечтать. Я фыркнула (эту привычку я подхватила у французов), отмахиваясь от малейшего намека на ответственность и целеустремленность:

– Да не знаю. По-моему, это все бессмысленно, нет?

– И все же позвони. А вдруг там что-то крутое?

Сказать по правде, учитывая – как выразилась Эмма – «нарочитую расплывчатость» объявления, никто из нас доподлинно не знал, в чем заключалась работа. Даже слова «архив и поиск», по сути, не несли в себе никакой смысловой нагрузки. Свое суждение мы вынесли,

⁸ Магазины канцтоваров (*фр.*).

основываясь лишь на том, что предложение, вполне очевидно, относилось к туманной категории «сферы искусства» и для нашего замкнутого мирка выпускников художественных академий и прочих гуманитарных заведений было окутано неким флером притягательности и статусности. Все мы были молчаливыми участниками договора, велевшего нам обожествлять профессии креативных индустрий. А ведь Майкл (который, вполне возможно, вовсе отказался от фамилии – как Мадонна) мог вообще искать кого-то, кто поливал бы ему цветы, заваривал чай, а то и просто тешил его эго (и хорошо бы фигурально выражаясь, а не в буквальном, физическом смысле). Несомненно, если бы у меня появилась возможность представляться на вечеринках как *ассистент писателя*, мой социальный капитал (и наверняка еще и самооценка) взлетел бы до небес. Лишь позднее я осознала, что именно сакрализируя определенные виды труда, мы сами наделили видных деятелей искусства столь опасной властью.

– Честно говоря, когда читаешь это объявление, кажется, что автор – просто псих, – заметил Алекс, отвлекшись от телефона и положив его себе на колено. – Взять хотя бы этот пассаж про шекспировское имя – что за бред? – по мнению Алекса, большинство белых мужчин-натуралов были психами.

– Нет-нет, – возразила я. – Как раз этот момент меня больше всего зацепил. Может, он просто устал от всяких Крессид – с их долбаными неоплачиваемыми стажировками и домами где-нибудь в Стоквелле – и их засилья в сфере искусства...

Алекс скорчил гримасу, всем своим видом возражая против того, чтобы я пускалась в разглагольствования о социальной справедливости, – а мне в той же мере не хотелось, чтобы кто-то из друзей заподозрил, насколько я уже сроднилась с абсолютно незнакомым мне человеком. За минувшие сорок восемь часов я как только не представила себе нашу первую встречу – и лишь в двух вариантах развития событий присутствовали намеки на постепенно нарастающее обоюдное влечение.

– О боже, – взвыл Алекс, будто прочтя мои мысли, – если ты и в самом деле получишь это место, то обязательно переспшишь с ним – а вдруг он окажется каким-нибудь самодовольным папиком-бумером...

– Наверняка Крессидой зовут его дочку, – вставила Эмма. Я изобразила негодование – впрочем, неубедительно даже для себя самой.

– И все же ты *должна* позвонить, – подытожил Алекс после минутной паузы. – В конце концов, он же будет тебе платить! Может, ты наконец вырвешься из своей кафешки?

Мы часто говорили о том, чтобы мне «вырваться из кафешки», будто о некоем чудесном спасении, которое произойдет как бы само собой, но волшебным образом преобразит всю мою жизнь, привнеся в нее смысл и порядок: иными словами, работу и мужчину. Из-за этих разговоров я даже стала покупать лотерейные билеты в табачном киоске на углу.

– Знаю, знаю, – искренне отозвалась я. – Конечно же, я *позвоню*.

Тут подоспел и второй графинчик корбьерского. Я и после первого уже ощущала в ногах приятное онемение. Эмма передала мне остаток сигареты.

* * *

В пасхальное утро я никак не могла заставить себя выйти из дому. Проснулась поздно, с гудящей от похмелья головой. Это был один из тех тусклых, бесконечно тянущихся дней, когда я особенно отчетливо ощущала собственное одиночество. Включив радио, наткнулась на несколько сюрреалистическую программу о женщинах-знаменитостях, поддержавших Брекзит. Оказывается, еще в девяностых Джинджер Спайс совсем не лестно высказывалась о подлых брюссельских бюрократах. Я съела два вареных яйца, подумала о Боге и прочла половину французского бульварного романа о молодом литераторе, мечтающем о загадочной и молчаливой девушке с непростой судьбой. Наконец, в половине шестого, когда оставаться

в четырех стенах было уже невыносимо, я решила-таки выйти на улицу. В коридоре топтался толстый жабоподобный муж консьержки, в посеревшей от старости майке-алкоголичке. Я что-то пискнула в знак приветствия, и вид у него сделался такой, будто его оскорбляет сам факт моего существования.

– Пора бы уже прекратить оставлять обувь перед дверью, – буркнул он. – Даже в дождь.

*Monsieur et Madame la concierge*⁹ всячески демонстрировали мне свое презрение, поскольку я жила в крохотной *chambre de bonne*¹⁰ на самом верху и делила туалет со своим соседом Фаруком – весьма любезным, словоохотливым и почти всегда отсутствующим студентом, к которому консьержи относились с неменьшим пренебрежением.

Седьмой этаж был бельмом на глазу в этом вызывающе зажиточном *co-propriété*¹¹. Я знала, что зрителям дома ведомы светские условности, поскольку не раз видела, как неестественная, болезненная улыбка искажает их лица при встрече с обитателями шестого этажа. В наказание за оставленный во дворе велосипед мадам теперь прятала пришедшую на мое имя корреспонденцию. Была надежда, что уж сегодня-то, поддавшись религиозному рвению, чета консьержей непременно уйдет на целый день. Не повезло.

Оказавшись на улице, я быстрым шагом двинулась мимо по-воскресному переполненных террас и снующих взад и вперед детишек на самокатах. Слушая старое интервью с Моррисси по ВВС, вошла в высокие зеленые ворота кладбища. В ушах звучал его мягкий северный выговор: «*Не понимаю, почему люди ничего не делают со своей жизнью, хотя знают, что она не бесконечна*». На миг меня охватило чувство вины. При этом в голове не укладывалось, как один и тот же человек мог написать столь проникновенные строки о нежности и доброте¹² – и призывать «сохранить Англию для англичан». Похоже, в очередной раз подтверждалось мое подозрение, что втайне все успешные люди – опасные извращенцы.

Вокруг не было ни души. Кладбище Сен-Венсан – тугой клубок корней деревьев, тонких прутьев кованого железа и выгоревших на солнце срезанных головок гортензии да нагромождение элементов, не нашедших применения в некрополе, что раскинулся ниже, по дороге к площади Клиши. Сюда я приходила, когда ощущение неприкаянности становилось нестерпимым, – это место напоминало мне об одном из моих бывших. Пушистый серый кот бросил на меня беглый взгляд. Я читала имена, выгравированные на надгробиях («семья Кайботт», «семья Легран»). Землю под ногами устлали сосновые иглы – совсем как в детстве, во дворе дома моих бабушки с дедушкой. Все было густо-зеленого оттенка: и гладь пруда, и чернильные кляксы лишайника на могильных плитах, и мягкий свет, лившийся сквозь витражи церкви во время службы, куда меня водили ребенком. Я решила позвонить Майклу.

Взгромоздившись на барный стул в кафе *L'Etoile de Montmartre*, перебрала в голове возможные варианты развития событий. Краткое «вакансия закрыта». Магнетическое – даже сквозь телефонную трубку – притяжение (неуловимое ощущение, что в деле замешано божественное провидение, подкрепляется парой хлестких, остроумных шуток). Тяжелое дыхание, пара нелепых фраз, будто цитаты из порнофильма, и осознание, что меня разыграли.

Некоторое время я сидела, уставившись на закручивающуюся в бокале пурпурную жидкость и собираясь с духом. В конце концов – хотя бы ради того, чтобы отделаться от назойливых попыток сидящего рядом мужчины среднего возраста завязать со мной беседу, – набрала номер. В трубке послышались гудки, и спустя целую вечность – женский голос:

– *Allô?*

⁹ Мсье и мадам консьержи (*фр.*).

¹⁰ Комнатка в мансардном этаже (в прошлом – комната прислуги) (*фр.*).

¹¹ Кондоминиум, совместное владение (*фр.*).

¹² Скорее всего, имеются в виду слова из песни I Know It's Over группы The Smiths: «It's so easy to laugh / It's so easy to hate / It takes strength to be gentle and kind» («Так просто смеяться, / Так просто ненавидеть, / Но для нежности и доброты нужна сила») (*англ.*).

Не француженка.

– *Oui, allô, je vous appelle par rapport à l'annonce d'emploi. Pourrais-je parler avec Michael, s'il vous plaît?*¹³

– *Ego net, – ответила она резко, по-английски. – И, боюсь, вакансия уже занята.*

– А. – Разочарование вперемешку с трусливым облегчением волной прокатилось по всему телу и мягко улеглось на плечи. – Ну, ладно, все равно, большое вам спасибо.

– Да, до свидания, – раздраженно выдохнул бестелесный голос. Раздались короткие гудки. С секунду я прижимала трубку к уху, будто ждала, что мне перезвонят, – но телефон лишь молча и неподвижно лежал в ладони.

– *Donc vous êtes Américaine?*¹⁴ – воспользовался своим шансом сидящий справа мужчина.

– Британка, – ответила я с милой улыбкой, затем допила остатки вина и высыпала горсть монет на барную стойку. – Чао!

* * *

Потерпев неудачу, я бесцельно бродила по кварталу до самой темноты и пыталась придумать, что же делать со своей жизнью. От одной мысли о работе в офисе меня охватывал вполне понятный ужас; к тому же я давно поняла, что неспособна работать в стрессовых условиях. К двадцати четырем годам я до сих пор цепенела от чувства вины при одном воспоминании, как однажды в средней школе расстроила учителя. Еще я думала о подруге, работавшей в сфере финансового PR, которая как-то, сияя от восторга и гордости, объявила, что от нее зависит судьба целой компании. Я же находила, что порой отвечать даже только за собственную судьбу довольно утомительно.

Внезапно я замерла, обнаружив, что стою у дверей знакомого винного бара, – и тотчас поняла, что мне поможет. Толкнув дверь, я оказалась в битком набитой комнатке, больше похожей на чью-то кухню. Стены были выкрашены в желтый цвет, тут и там висели картины в стиле Дейроля, изображающие виноград разных сортов, домашнюю птицу и прочую живность со всех уголков Франции. В помещении царил интимный полумрак, а пол – насколько удавалось разглядеть – был вымощен терракотовой плиткой. Я протолкалась к барной стойке в дальнем конце зала, желая убедиться, что за ней действительно он. Едва уловимая искра промелькнула в лице Бенуа – узнал или только задумался о том, где мог меня видеть?

– *Mademoiselle,* – обратился он ко мне, беззастенчиво оценивая мой внешний вид. Я попросила бокал сомюрского и достала из сумочки книгу в мягкой обложке. Спустя пять минут он уже сидел рядом, с моей стороны барной стойки.

– Что читаешь? – спросил по-французски.

Я показала ему наполовину прочитанный роман Патрика Модiano. Бенуа хмыкнул.

– *Et alors?*¹⁵

– Знаешь этого автора? – спросила я.

Он улыбнулся, выудил из-под стойки пыльную бутылку, наполнил бокалы – сначала мой, потом свой.

– Я сегодня не в состоянии говорить о книгах, детка, – отвечал он. – Слишком пьян.

В таком же состоянии он был в нашу первую и последнюю встречу – где-то год назад. Я тогда пришла в бар со своим бывшим – тем самым, о котором мне напоминало кладбище, – и Бенуа решил, что мы отвлечем его от «Дионисовой пытки» (именно так он и выразился).

¹³ Да, я звоню по объявлению о работе. Будьте любезны, могу ли я поговорить с Майклом? (*фр.*)

¹⁴ Значит, вы американка? (*фр.*)

¹⁵ И как тебе? (*фр.*)

Ему было за тридцать – высокий, тощий, харизматичный: достаточно, чтобы казаться гораздо привлекательнее, чем был на самом деле. Он был словно призраком будущего – того, что ждет и меня лет через десять. Работал в барах, а еще писал сценарии к фильмам – хотя за пять лет так и не дописал ни одного до конца. Я сказала, что учусь на факультете литературоведения. Сам он окончил магистратуру по философии – спросил, что я люблю читать. Это было своего рода проверкой умения поддержать беседу, после чего он принялся регулярно подливать вина себе и мне – до тех пор, пока мы все трое изрядно не напились (я, как обычно, сильнее всех присутствующих). К счастью, был воскресный вечер, и, когда часы пробили десять, бар начал потихоньку пустеть. Разговор с литературы плавно переключился на секс и совершенные непристойности.

– Раз твой сосед так шумит во время секса, значит, умело использует свои пальчики, – заявил Бенуа, укладывая тонюсенькие ломтики ветчины на огромную тарелку с сыром и прочими закусками. – Просто научитесь делать это лучше и громче.

Эти слова сопровождались адресованным мне недвусмысленным подмигиванием. Весь вечер он бессовестно флиртовал со мной – так виртуозные магазинные воришки внаглую выносят плазменные панели через главный вход. Однако, когда мой бывший удалился в уборную и Бенуа зажег мне сигарету (пристально глядя в глаза гораздо дольше, чем диктовали всякие приличия), я сообразила, насколько искренними были его намерения, и, польщенная и хмельная, ответила ему взаимностью вместе с первым долгим выдохом дыма.

– Не узнаешь меня, да? – спросила я теперь.

Он сузил глаза, вглядываясь в мое лицо.

– А ну-ка напхни!

– В прошлый раз со мной был молодой человек, – сказала я. – Студент бизнес-школы.

Он чуть сморщил нос – и тут его осенило:

– Точно! Это ты хотела стать флористом, пока чувак пишет свой диплом, – правильно? – я рассмеялась. – Ну как, поступила в колледж? – спросил он.

Пришлось признаться, что мечты о флористике, как и все прочие, лежали теперь погребенными на стремительно разрастающемся кладбище моих амбиций.

– Ну и хорошо, – заключил он. – *Est-il possible d'être révolutionnaire et d'aimer les fleurs?*¹⁶

Пять часов спустя бар совершенно опустел, а я опьянела достаточно, чтобы мысль снова оказаться в квартире у Бенуа показалась мне безумно привлекательной. Когда он закрыл заведение, я облокотилась о барную стойку так, чтобы одновременно выглядеть (как я надеялась) соблазнительно и не слишком шататься; потом, стоя на холодном тротуаре, ждала, пока он опустит рольставни.

– *T'as froid?*¹⁷ – заметил, как я дрожу, обхватив себя руками. Я кивнула, ожидая, что он сейчас галантно накинет мне на плечи свою куртку. Бенуа же вместо этого, лязгнув металлом решетки, развернулся.

– *Von*¹⁸, – проговорил он, положив неверную руку мне на плечо и притянув к себе, так что нижняя губа коснулась моего лба, – тогда пойдем в дом, – и самодовольно ухмыльнулся.

– А куда подевался твой парень? – спросил он уже ближе к рассвету, рассеяно проводя пальцем по моему предплечью.

– Похоже, они у меня надолго не задерживаются, – глухо ответила я.

Бенуа рассмеялся.

– *Tant mieux*¹⁹.

¹⁶ «Можно ли быть революционером и любить цветы?» – название инсталляции Камиль Энро (2012), отсылающее к книге Марселя Либмана «Ленинизм при Ленине» (1973), которая приписывает этот вопрос одному из сподвижников последнего.

¹⁷ Замерзла? (фр.)

¹⁸ Что ж (фр.).

¹⁹ Оно и к лучшему (фр.).

Я лежала на животе, голышом, в его постели. Комната была совершенно пустой – никаких украшений. На полу висели стопки книг в окружении грязных кружек и бокалов, в некоторых желтели окурки; тот, что стоял у кровати, теперь служил вместилищем для вялой змейки презерватива. Мой взгляд лениво скользил по корешкам: Борис Виан, Генри Миллер, Филип Дик, Герман Гессе. Ослабившаяся физиономия Нормана Мейлера на обложке одной из книг наполовину скрыта разорванной оберткой от Durex. Добравшись до моих ягодич, указательный палец Бенуа на мгновение замер, затем его ладонь шлепнула меня по заднице.

– *T'as des très belles fesses*²⁰, – произнес он с восторгом, и я ощутила прилив беспричинной гордости, хотя по опыту знала, что комплимент насчет попки был таким же обязательным, как утреннее предложение выпить кофе.

– *Oui*²¹, – продолжал он, – *des très, très belles fesses*²², – после чего в некоем подражании Ронсару любовно воспел все прочие части моего тела (лет в девятнадцать я тут же влюбилась бы в него без памяти). Я лежала молча, прикрыв глаза и гадая про себя: неужели это нормально – воспринимать собственные победы с таким равнодушием и чуть ли не презрением?

* * *

В следующие несколько недель я совсем не думала о Майкле и, сказать по правде, могла бы и вовсе о нем забыть – если бы не открытие выставки Анны. Туда меня притащила Эмма – в качестве спасительницы от «мудаков от искусства». Она заранее прислала мне ссылку на мероприятие («Анна Янг: Объективы и перспективы») и старую статью, найденную в архиве The Guardian. Текст (1998 года) начинался с описания студии фотохудожницы: «*На первый взгляд, студию Янг легко принять за один из новаторских ресторанов этого района, доблестно старающихся познакомить SE1*²³ *с фокаччей и овощами на гриле*». В тот день мне больше всего на свете хотелось просто лежать на полу своей спальни, слушать Лану дель Рей, допивая вино, которое я приберегала для кулинарных целей. Но, видимо, у судьбы были на мой счет свои планы.

²⁰ Славная у тебя попка (фр.).

²¹ Да (фр.).

²² Славная, замечательная попка (фр.).

²³ Районы Лондона на южном берегу Темзы, объединенные почтовым индексом SE1.

2

Майкл

Она вошла – и будто бы открылся некий портал, перенесший меня в прошлое. Эта девушка не была *похожа* на Астрид – это и была сама Астрид. Лицо почти полностью скрывала завеса волос, но я сразу ее узнал, и через все тело словно пропустили электрический разряд.

– Дорогой, ты в порядке? Ты что-то побледнел, – сказала моя жена, легонько касаясь локтя.

Я не сводил глаз с девушки. Наверное, она все-таки не мираж – ведь как-то же она целует в щеку незнакомца, а значит, материальна. Голос Анны доносился откуда-то издалека, и я даже на секунду решил, что незаметно для себя перешел в другую комнату; а может быть, она разговаривает со мной через закрытое окно или даже с противоположного края бассейна, а сам я погрузился под воду. Девушка преображала пространство вокруг себя так, будто принадлежала к другому, уже минувшему времени. Даже освещавший ее свет словно лился из 1968 года, от той лампы над раковиной в углу ванной комнаты на Шарлотт-стрит. Из-за этого даже веки у нее делались точь-в-точь как у Астрид.

Анна прошипела мое имя, сильнее сжав руку, – и я, повинувшись механическому импульсу, рывком повернулся в ее сторону. Она, оказывается, стояла прямо рядом со мной. Я поморщился.

– Да? Да, прости, на секунду мне отчего-то стало не по себе. Пойду возьму чего-нибудь. Тебе принести? – спросил я делано веселым голосом.

– Еще бокал белого, – чуть растерянно отозвалась она.

Астрид тоже направилась к бару, и я ускорил шаг, не обращая внимания на группу посетителей, в которых смутно узнал своего французского переводчика с учениками. Один из них позвал меня по имени: «*Микаэль, Микаэль!*» Они были из того мира, откуда я сбежал, чтобы вновь быть с Астрид, в студенческом баре на Малет-стрит.

Я будто снова вдыхал застоявшийся воздух учебных корпусов вперемешку с запахом пива и сигаретным дымом. Казалось, если я сейчас прикоснусь к собственному лицу, то кожа окажется такой же гладкой и упругой, как тогда.

Она была уже совсем близко, и я, протянув руку, вцепился ей в плечо. Она вздрогнула и обернулась – мимолетное выражение тревоги на ее лице сменилось застывшей вежливой улыбкой. Я вглядывался, стараясь уловить хоть малейший намек на узнавание, – как вдруг меня охватила совершенно нехарактерная робость. Откуда-то из глубины гортани поднялась волна нервного смеха – и я внезапно осознал, что все еще удерживаю ее; моя рука ощущала жар ее тела. Я разжал пальцы и неловко огладил ее рукав – так отец, не слишком близкий с дочерью, пытается показать свою любовь. Лихорадочно ухватившись за первую мысль, выплывшую на поверхность сознания, я прочистил горло и неловко спросил:

– Вы случайно не учились в университете с моей дочерью?

В ее глазах я с ужасом прочел плохо скрываемую жалость. Какой кошмар! Наверное, она решила, что у меня грязные намерения. А мне так хотелось провести большим пальцем по ее нижней губе – проверить, почувствую ли то же, что тогда?

– Может быть, – ответила она. – А где училась ваша дочь?

– Прошу прощения? – переспросил я в некотором оцепенении. Потом, вспомнив собственные слова, добавил: – Ах, в Оксфорде. Колледж Святой Екатерины. Кларисса.

Девушка озадаченно посмотрела на меня – а потом, будто вспомнив о неких социальных обязательствах, непринужденно проговорила:

– А! Это в честь миссис Дэллоуэй? Или той, ричардсоновской? Или как в сериале «Сабрина – маленькая ведьма»?

Я пристально вглядывался в черты ее лица – все в них было безупречно; но теперь понимал, что голос у нее несколько другой, а уж упоминание Ричардсона было и вовсе не к месту.

– Вообще-то, как у Джеймса Болдуина, – ответил я несколько вызывающе.

– Что ж, вряд ли это могла быть я: в Оксфорд я не попала.

– Майкл? – похоронным колоколом по растревожившей душу иллюзии прозвучали знакомые нотки в голосе жены. Ее стройное тело по-хозяйски прижалось ко мне. – Кто это?

Обернувшись, я увидел, что она растягивает губы в приветливую улыбку. Это неожиданное вторжение реальности помогло мне прийти в себя. Переходя в режим «приятного собеседника», я приобнял Анну за плечи и произнес:

– Это-то я и пытаюсь выяснить. Уверен, мы где-то уже встречались. Готов был поклясться, что она училась в университете вместе с Клариссой.

Анна смерила незнакомку бесстрастным взглядом.

– Что-то не припоминаю. Прошу извинить моего мужа, – добавила она, протягивая руку с изящными длинными пальцами. – Меня зовут Анна Янг, а это – Майкл.

– Лия, – отозвалась девушка, явно испытывая облегчение от того, как мастерски художница разрулила ситуацию. – Поздравляю, – она широким жестом обвела зал, – выглядит просто... то есть работа проделана колоссальная...

– Благодарю, – Анна приподняла уголки губ. – А вы на стажировке в галерее? – голос ее звучал тепло, но вопросом почти неприкрыто обозначалась расстановка сил.

– О, нет-нет. Я здесь с подругой – она ведет колонку об арт-рынке в одном журнале. Сама-то я почти не разбираюсь в искусстве. Ну, то есть, конечно, не полный ноль, но... – она смутилась. Анна излучала благодущие.

– Чем же вы занимаетесь?

Лия поморщилась.

– Хм, да ничем особенно... Главное – чтобы на аренду хватало. Сейчас вот работаю в кафе. – Тут она будто осознала, как нелепо звучит такой ответ, и добавила: – Подумываю подать документы в магистратуру.

Я чувствовал, что она всеми силами ищет повод уйти – и Анна с радостью его бы ей предоставила. Я же решил во что бы то ни стало удержать девушку: надо было выяснить, зачем Вселенная мне ее послала.

– Что ж, вы могли бы работать у меня, – выпалил я, сам не вполне понимая, что говорю, и чувствуя на себе буравящий взгляд Анны.

– Что, простите? – отозвалась Лия.

– Ну да, – продолжал я, теперь гораздо увереннее. – Да я, вообще-то, и в самом деле некоторое время назад подыскивал помощницу...

– О боже! Анна Янг. Майкл Янг – ну конечно! Господи, какая я идиотка! Вы – тот самый Майкл Янг, писатель! «Ричард. Падение»... Это же вы дали объявление в FUSAC, да? Чтоб без вычурных имен – это же ваше?

– Вы его видели? – потрясенно и в то же время воодушевленно спросил я. Определенно, Вселенная решила-таки мне помочь.

– Я даже звонила! Но женщина по телефону ответила, что место занято... – тут она смешалась и робко взглянула на Анну, явно осознавая, что сболтнула лишнее. А что еще оставалось моей жене? Уж она-то вряд ли мечтала о том, чтобы я взял себе в помощницы юную деву.

Доброжелательная улыбка будто приклеилась к лицу Анны.

– Ну разве это не замечательно? – воскликнула она. – Просто *великолепно!* – она сжала мою ладонь. – Подумать только, и ты еще не любишь мои вечеринки. Вот так удача, а?

Окинув взглядом нас обоих, она с королевским великодушием подала Лии свободную руку и сказала:

– Майкл, мне пора к гостям. Почему бы вам не договориться о встрече?

О да, назначим встречу – чтобы этот странный, фантазмагорический эпизод получил развитие; чтобы ее существование не ограничилось для меня этим вечером. Погладив Анну по спине и чмокнув в щеку, я произнес:

– Неплохая идея, дорогая. Ты еще хочешь чего-нибудь? – и добавил, уже обращаясь к Лии: – А вы что будете?

Анна едва сдерживала ярость.

* * *

Моя дочь – стерва (во всяком случае со мной). Она всегда была избалованным и дерзким ребенком. Думаю, Анна, отчаянно стараясь компенсировать тот факт, что не была ее матерью, совершенно на ней помешалась. Она неустанно твердила дочери, какая та уникальная и особенная (что совершенно несвойственно моему поколению). «Ах, милая, какая у тебя артистичная натура» или «О, по-моему, слух у тебя гораздо лучше, чем у других ребят». Кларисса привыкла к тому, что ее мнение – превыше всего. Конечно, она умна – еще бы, учитывая, сколько я вложил в ее образование. Вот только самомнение ее так велико, что это просто в голове не укладывается.

В ее возрасте у меня было всего два желания: трахаться и пробовать новое. Я был честолюбив, а лучше сказать, по-юношески тщеславен. Но наши с дочерью представления об амбициях диаметрально противоположны. В ее отношении к работе есть что-то до отвращения пуританское. Стажироваться в правильных местах, засиживаться в офисе допоздна, активно (прости господи) *налаживать контакты* – в этом она вся. Я же всегда был уверен, что рожден для чего-то великого, – и какое-то время все к тому и шло. А Кларисса чопорна и фальшива – не представляю, чтобы у нее была нормальная интимная жизнь. Такое ощущение, что при всей своей внешней эмоциональности она вообще не способна на настоящие чувства. Вот уж действительно, поколение восклицательных знаков. По настоянию своего агента я завел аккаунт в Twitter – так меня буквально оглушил этот птичий базар, где все считают, что им что-то должны, что меня волнует их мнение о ситуации в Палестине, или положение женщин в искусстве, или их проклятые домашние салатки с киноа или черт знает с чем еще. Я и не удивился, обнаружив там Клариссу во главе очередной вооруженной хештегами эрзац-революции. При этом разногласия с дочерью ранят меня не так сильно, как с ее братом. Наши ссоры больше напоминают спектакль. Все, что связано с ней, скорее похоже на спектакль.

За это я и полюбил Астрид: она была из тех, кого Кларисса назвала бы простушкой. У нее не было каких-то особых стремлений – только жажда жизни. Она была искренней и напрочь лишенной аналитического мышления. Ей нравилось поглощать ванильное мороженое Wall's прямо из ведерка, в одном нижнем белье прислонившись к кухонной раковине. Еще ей нравилась принцесса Маргарет – за то, что та была эдакой «бунтаркой»; она даже имя Астрид себе взяла, сочтя его «шикарным и экзотичным». Пожалуй, на этом ее попытки создать себе некий имидж заканчивались.

* * *

– Очень хочется написать что-нибудь о *писателях в изгнании*, – заявил молодой человек, делая театральную паузу перед последними словами и как будто выделяя их курсивом. – Хотя можно и не в изгнании, но вроде как в вынужденной эмиграции. Байрон, Китс, Даррелл, Хемингуэй... или вот вы.

Неужели об этой хрени еще пишут в журналах? Я медленно кивнул, прикидывая про себя, когда он мог появиться на свет. В восьмидесятых? Неужели он старше Клариссы? Светло-голубая рубашка и круглые очки в роговой оправе; на щеках трехдневная щетина.

– Я тут прочел любопытную статью в *The New York Times* о писателе, утверждавшем, что развитию его дарования немало способствовали 35 лет, прожитых в Италии, – и задумался. Он пишет об интернете и о том, что в нашем мире лингвистические барьеры уже не актуальны. Как это влияет на язык писателя, покинувшего родину? Вот я, например, живу и работаю в Берлине уже четыре года – и до сих пор совсем не говорю по-немецки. Не читаю Бёлля и Грасса, – он улыбнулся. – Да и существует ли еще в нашем глобализированном обществе такое понятие, как «лишиться родины»?

Тут уж я не мог сдержаться и хмыкнул. Он слегка смутился – но виду не подал, как его наверняка учили в школе, или что он там окончил, – и сказал:

– Ну, потому я и хотел с вами поговорить. Хотел... «обмена мнениями».

Что у молодежи за привычка – вечно лепить на все сказанное кавычки, как будто подыскивая заголовок для следующей записи в блоге?

– Ясно, – вяло отозвался я.

Скорбный кивок.

– И я очень благодарен Клариссе за то, что помогла связаться с вами, и за эту беседу по Skype.

На меня накатила тошнотворная волна ненависти к своему агенту за то, что тот согласился на это якобы бесполезное интервью, и еще больше – к себе самому, за то, что пошел у него на поводу.

– Что ж, – сказал я наконец. – Звучит совершенно потрясающе, и я с радостью поучаствую.

– Замечательно! – с энтузиазмом воскликнул молодой человек. – Просто замечательно! Знаю, что у вас в два встреча, – но, может, успею поделиться с вами парочкой соображений?

Я сделал неопределенный жест, и он завел свою шарманку:

– Влияет ли жизнь за границей на ваш язык, учитывая, что ведь теперь весь мир говорит по-английски? Изменилась ли тематика ваших произведений? Вы по-прежнему способны писать об Англии – даже покинув ее? Учитывая то, насколько ваша манера и стиль типичны для вашего поколения и социальной среды – Лондон, конец семидесятых, период Тэтчер, вплоть до *Cool Britannia*²⁴... Ну то есть можно ли писать обо всем этом из Парижа? Или вы поэтому перестали писать романы?

Должно быть, на моем лице отразились истинные эмоции, потому что он вдруг застыл и теперь – хотя я с трудом разбирал отдельные слова – явно судорожно пытался исправиться. «Поэтому перестали писать романы?.. У вас был такой узнаваемый стиль...» Он еще что-то бормотал о том, как важно «не торопиться в работе над романом в наш век сиюминутных удовольствий».

– Послушайте, Джейк, – прервал я его. – Было очень приятно с вами поболтать, но мне пора – не то я опоздаю. Давайте вы пришлете мне все свои вопросы и я постараюсь на них ответить – если, конечно, еще не разучился печатать.

Он будто бы сжался, заметно пристыженный.

– Майкл, я...

– Да-да, было очень приятно. Присылайте вопросы, я на них отвечу.

– Я...

²⁴ *Cool Britannia* («клевая Британия») – термин, характеризующий период повышенной гордости в культурной среде Великобритании, продолжавшийся на протяжении большей части 1990-х годов.

Щелчок по маленькой телефонной трубке на экране – и его лицо пропало. Сейчас мне обязательно придет гневное сообщение от Клариссы – если, конечно, у него хватит смелости ей рассказать. Вдохнув, я перевел взгляд вниз – серебристый тачпад был весь заляпан свежей ярко-красной кровью. Ее капли срывались из-под ногтя большого пальца на правой руке, а ладонь была влажной и липкой. Я машинально встал, чтобы взять салфетку, и подумал: заметит ли Лия, когда придет?

3 Лия

Если бы не очередной деморализующий день в кафе, я бы, наверное, нашла какой-нибудь не слишком правдоподобный предлог и вообще не пошла бы на эту сомнительную встречу. Вел он себя, мягко говоря, странно, и вдобавок его жена теперь явно точила на меня зуб. Эмма – которую я расспросила позже – поведала, что когда-то та была моделью, потом стала фотографом, добилась определенного коммерческого успеха, но у критиков признания не снискала. Коллега Эммы, остроумный и язвительный Реми, затянувшись сигаретой, лениво заметил, что перед объективом она смотрелась куда органичнее, чем за ним.

Однако, невзирая на тревожные звоночки, я чувствовала, что нужно идти до конца. После личного знакомства с ними можно было не сомневаться, что эта вакансия заслуживает внимания. Не бояться, к примеру, что он окажется автором каких-нибудь эротических фанфиков по «Гарри Поттеру» или доморощенным биографом Дениса Тэтчера. Майкл Янг – настоящий писатель, и не из последних. Уже в конце семидесятых, с выходом романа «Ричард. Падение», его слог стал неотъемлемой частью английского литературного ландшафта. До самого начала нового тысячелетия он стабильно выдавал на-гора циничную современную прозу, завоевав сердца и старой гвардии истеблишмента, и эрудированных бунтарей-позеров, с которыми я училась в университете, – тех, что ходили в киноклубы на просмотр «Апокалипсиса сегодня» и имя Дэвида Фостера Уоллеса обозначали как ДФУ. В свой обеденный перерыв я написала университетской подруге, работавшей в лондонском издательстве, и спросила, знает ли она его. Та ответила, что лично никогда с ним не встречалась, но ее начальник был с ним знаком еще до его добровольного изгнания и «выхода на пенсию». «Не из тех, кто терпит идиотов» – довольно устрашающая характеристика.

Чуть позже от нее пришло еще одно сообщение: оказывается, наш общий знакомый работал вместе с его дочерью и отзывался о той весьма туманно – «в точности такая, как можно представить». Я спешно порылась в соцсетях, опасаясь, что могла нечаянно добавить ее в друзья или, хуже того, лайкнуть какую-нибудь ее публикацию. Выяснилось, что у нас трое общих друзей: парень из моего студенческого общежития, с которым мы едва не начали встречаться и которого я слегка побаивалась (эдакий самозванный денди, выпускник школы-пансиона и звезда драмкружка); девчонка, которую я почти не знала, с семинара по литературе раннего Нового времени; и, наконец, «знакомый знакомого» из Колледжа Святого Мартина²⁵, ныне (исходя из беглого просмотра его страницы) редактор журнала *Dazed & Confused*²⁶. Пока что – никаких сюрпризов.

Майкл с женой снимали квартиру возле Данфер-Рошро – «в немодной части 14-го квартала», с гордостью заявил он («Интересно, а где же тогда модная», – подумала я). Здесь в самом деле было чуть менее «дорого-богато», чем в районах к северу и западу. Данфер представлял собой уцелевший уголок настоящего Парижа. Его главная артерия – улица Дагер – длинная череда бесчисленных брассери с красными козырьками, и, петляя на велосипеде между старушками в платках и макинтошах, я ощущала острый аромат сыра и солоноватый дух рыбной лавки. На тротуаре перед цветочным магазинчиком сидел на табуретке скучающий старичок в зеленом фартуке, окруженный ведрами с увядшими ландышами. От кого-то я слышала, что это была любимая парижская улочка Боба Дилана.

²⁵ Центральный колледж искусства и дизайна им. Святого Мартина в Лондоне.

²⁶ Британский журнал о стиле, моде, культуре и искусстве, также освещает экономические и политические вопросы. Выходит с 1991 года.

Майкл жил на улице Булар – между табачной лавкой и букинистическим магазином. Я припарковала свой велосипед и выудила из кармана пальто клочок бумаги с кодом от двери. Руки у меня сделались липкими, и я судорожно вытерла их о джинсы, попутно глянув на часы: еще десять минут. Прошла улицу из конца в конец. Пять минут. Что ж, пять минут – это некая грань между педантизмом и вежливостью. За дверью оказался небольшой дворик, утопающий в глициниях. Пронизанное зеленоватым светом пространство пересекали веревки для белья, густо пахло кондиционером для ткани. Я в сотый раз перечитала инструкции.

«Пятый этаж, корпус Б». Внутри – обычная широкая лестница с ковровой дорожкой в персидском стиле и лифт с изящной решеткой, которым я решила воспользоваться, пока, чего доброго, опять не вспотела.

Он открыл не сразу и медленно – словно учитель, решающий про себя, пускать ли ученика в учительскую. Однако при виде меня выражение его лица смягчилось, и он распахнул дверь пошире, отчего тонущая в полумраке лестничная клетка озарилась ярким светом. С секунду-две он молча смотрел на меня, потом вздохнул («что ж, входите») – и отступил в сторону, пропуская в дом.

– Ого!

– Да, просторно тут, правда? – заметил он, сунув руки в карманы. – Чаю или кофе?

– Чаю, пожалуйста.

Кивнув, он исчез на кухне, оставив меня одну. Я прислонилась к подлокотнику огромного дивана семидесятых годов цвета томатной тапенады²⁷. Комната была просторной, полной воздуха и света – благодаря огромному балкону.

– Мы здесь уже, кажется, лет пять, – крикнул он из кухни. – Когда мы только приехали, Анне хотелось жить в каком-нибудь модном районе – вроде 11-го, но я не терял надежды вернуться на Левый берег, где провел свои студенческие годы, и это место – некая золотая середина. Мне здесь нравится: не так много экспатов с золотыми кошельками.

Он вновь возник в дверях с чайничком и двумя чашками.

– Перейдем в кабинет?

Я послушно последовала за ним.

– Вообще-то, у нас остался дом в Хайбери²⁸, а эту квартиру мы просто снимаем. Каждый год говорим себе, что вернемся, – но почему-то снова продлеваем аренду.

Кабинет был заставлен книгами и завален всякой всячиной – кроме одного большого окна со старинной расколотой рамой, откуда открывался вид на внутренний дворик. Майкл поставил чайник на письменный стол и широким жестом пригласил:

– Присаживайтесь.

Я опустила на краешек выдавшей лучшие дни кушетки, среди потертых валиков и подушек.

– Почему вы сюда переехали? – я так давно не раскрывала рта, что теперь мой голос казался какой-то пародией на самого себя.

– Даже не знаю. Устал от Лондона, хотел отдохнуть. Да и Анне нужны были новые впечатления. Дети разъехались... То есть они и раньше жили не с нами (а со своей матерью в Кембридже) – но тем не менее... У нас имелось жилье в Сен-Люке, и мы подумывали просто собрать все вещи и уехать туда – но Анна испугалась, что так мы станем похожи на типичных представителей английской богемы, уставших от городской жизни, перебравшихся на Средиземное море и постепенно разлагающихся, как гниющие фрукты. Вот так мы и приехали сюда. И оказалось, это неплохой компромисс. А вы как сюда попали?

²⁷ Густой соус (паста) прованской кухни (особенно Ниццы) из оливок, анчоусов и «тапен» (каперсов на прованском языке), давших название этому блюду. Другие распространенные ингредиенты: оливковое масло, чеснок, сок лимона, травы и специи, вяленые помидоры.

²⁸ Район Лондона.

– Окончила университет и поняла, что не вижу своего будущего в Лондоне. – Друзья предупреждали, что признаваться на собеседовании в отсутствии амбиций – крайне нежелательный со стратегической точки зрения прием. Но я сделала ставку на эксцентричность Майкла. – Подписала договор на работу в школе, а когда он закончился, каким-то образом зацепилась здесь. Сейчас я, похоже, просто копчу небо.

Он улыбнулся и пристально посмотрел в глаза.

– Что ж, такие юные коптильщики нынче редкость.

– Да, – согласилась я, про себя радуясь правильному выбору тактики. – Кажется, мы на грани вымирания.

Мы еще немного поболтали о моей учебе, о пестром послужном списке, о предпочтениях в литературе. Наконец, изобразив барабанную дробь ладонями о колени, он произнес:

– Да. Да, думаю, вы мне подходите. Мне кажется, как раз вы мне и нужны.

– Подхожу? – робко переспросила я.

– Да, вполне.

Он встал и, подойдя к окну, облокотился о перила французского балкончика. В мягком полуденном свете я наконец смогла как следует его рассмотреть. Он был очень высокий и жилистый, с густыми седыми волосами и темными глазами.

– Вы наверняка знаете, что мой последний роман вышел на рубеже веков, – сказал он, не глядя в мою сторону. – Однако вряд ли вам известно, что сейчас я работаю над новой книгой. – Он помолчал, будто ожидая моей восторженной реакции. Я послушно охнула. – Не успеваю разгрести работу и потому ищу кого-нибудь, кто мог бы ежедневно обрабатывать мою корреспонденцию. Редакторы заваливают меня пробными изданиями в надежде получить лестный отзыв на форзац или рецензию для печати. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь их сортировал, отбирая те, что стоят моего времени. Еще приходит множество приглашений на разные мероприятия, которые мне приходится отклонять – а я не очень-то умею делать такие вещи. И еще мой новый проект требует некоторой исследовательской работы. К тому же этим летом мне нужен человек, который перепечатает мои дневники. – Тут он несколько смущенно прокашлялся. – В моей жизни был период – пара лет в конце шестидесятых (я был примерно вашего возраста), – на котором я буквально застрял. Нужно сделать из этих записей связный текст...

Я попыталась изобразить на своем лице нечто среднее между непринужденностью и заинтересованностью.

– Вы ведь сказали, что пишете? – спросил он.

– Н-ну... нет, то есть да, конечно, но ничего серьезного, – промямлила я, стараясь сохранить спокойствие.

Он снова пристально на меня посмотрел.

– Господи, это и в самом деле поразительно.

– Правда? – отозвалась я.

Но он не слушал.

– Имя Кристин Паркер ведь ни о чем вам не говорит? Нет, ничего страшного, не беспокойтесь, – добавил он, когда я ответила непонимающим молчанием.

И снова улыбнулся, как будто я вдруг сказала что-то смешное или остроумное, – хотя я по-прежнему не произносила ни звука.

– Уехав из Лондона, мы забрали большую часть вещей с собой в Сен-Люк, чтобы сдать дом в аренду. Так что вот куда занесло мои старые дневники. Обычно мы проводим там большую часть августа – это большая ферма, которую мы делим с моими старинными друзьями, Дженни и ее мужем. Знаете, эдакая типичная английская семейка богемных буржуа с непрекращающимся хороводом гостей, детей и пьяных друзей, не знающих ни слова по-французски. Ближайшие пару месяцев вы будете работать неполный рабочий день – обрабатывать почту,

просматривать рукописи, – а потом, если мы сработаемся, поедете с нами на лето и займетесь моими дневниками... – он пожевал заусенец на большом пальце правой руки. – Я уж и не надеялся кого-то найти. Кого-то из друзей моих детей просить не хотелось – слишком уж они близки к семье; к тому же перед ними и так богатый выбор ослепительных карьерных возможностей. Я поместил объявление в FUSAC, повинуюсь какому-то дурацкому порыву, но не ожидал, что из этого выйдет что-то путное...

Я не перебивала его – только кивала с нужными интервалами, хотя он, кажется, почти что не осознавал моего присутствия.

– Никогда не был суеверным, – продолжал Майкл между тем, – но потом увидел вас, и что-то... что-то как будто бы щелкнуло.

Он отошел от окна, приблизился и сел рядышком на кушетку, так что колени наши почти что соприкоснулись. Пристально вглядываясь в мои черты – секунд пять, но мне показалось, целую вечность, – он положил руку мне на бедро и улыбнулся. Выражение его лица (без малейшего намека на угрозу, как будто бы специально натренированного внушать доверие) поразительно диссонировало с непрошеным касанием. Я убедилась, что это лишь попытка наладить дружеский контакт, – и словно в подтверждение его горячая ладонь приподнялась в приятельском похлопывании. Должно быть, всему виной был возраст.

– В общем, я прочел ваше резюме и письмо и думаю, вы мне подходите, – тут он снова убрал руки в карманы. – Что скажете?

Я посмотрела ему прямо в глаза и храбро проигнорировала все предупредительные сигналы, звучавшие в голове.

– По-моему, просто замечательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.